

Научная статья
УДК 94(44)“1812” + 94(470)“1812” + 94:159.953(44)
doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX в.: между «памятью-победой» и «памятью-травмой»

Алена Александровна Постникова

Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Alina33_07_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-8780>

Аннотация. В данной статье рассматривается процесс трансформации образа русской кампании Наполеона в исторической памяти французов во второй половине XIX в. Автор, проанализировав образ войны в пространстве исторической политики, искусства, периодической печати, исторической науки, пришла к выводу, что чрезмерное вмешательство государства в процесс конструирования прошлого приводит к разрушению «героических мифов». Так, с падением режима Второй империи в сознании общества поход в Россию стал восприниматься как результат роковой ошибки императора. В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии.

Ключевые слова: историческая политика, французское общество, Вторая империя, война 1812 года, русская кампания Наполеона

Для цитирования: Постникова А. А. Русская кампания в памяти Франции во второй половине XIX в.: между «памятью-победой» и «памятью-травмой» // *Tempus et Memoria*. 2022. Т. 3, № 2. С. 47–55. doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Original article

Russian Campaign in the Memory of France in the Second Half of the XIX Century: between “Memory-Victory” and “Memory-Injury”

Alena A. Postnikova

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia

Alina33_07_87@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9895-8780>

Abstract. This article examines the process of transforming the image of Napoleon’s Russian campaign in the historical memory of the French in the second half of the 19th century. The author, having analyzed the image of war in the space of historical politics, art, periodicals, historical science, came to the conclusion that excessive state intervention in the process of constructing the past leads to the destruction of “heroic myths.”

© Постникова А. А., 2022

So, with the fall of the regime of the Second Empire in the consciousness of society, a trip to Russia began to be perceived as the result of the fatal mistake of the emperor. During the years of the Third Republic, the image of war continued to develop in public discourse, demonstrating a kind of historical pattern when imperial ambitions inevitably lead the nation to tragedy.

Key words: historical politics, French society, Second Empire, war of 1812, Napoleon's Russian campaign

For citation: Postnikova, A. A. (2022). Russkaya kampaniya v pamyati Frantsii vo vtoroi polovine XIX v.: mezhdu "pamyat'yu-pobedoi" i "pamyat'yu-travmoi" [Russian Campaign in the Memory of France in the Second Half of the XIX Century: between "Memory-Victory" and "Memory-Injury"]. *Tempus et Memoria*, 3, 2, 47–55. doi 10.15826/tetm.2022.3.037

Русская кампания Наполеона до сих пор является важным элементом национальной памяти Франции, олицетворяя не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность. К образам русской кампании французы обращались в переломные моменты своей истории, подвергая эти образы трансформации и каждый раз возрождая их в каких-то обновленных вариациях. Претерпев моменты «забвения» и «вспоминания», образы этой войны «кристаллизовались» в памяти французов как символы победы и мужества соотечественников. Решающим периодом в формировании относительно единого образа и даже мифа о русской кампании во французском сознании стал XIX в. Бурные события, которые пережила Франция после падения Первой империи, способствовали обостренному восприятию прошлого и формированию представлений о драматических событиях русской кампании 1812 года.

На протяжении первой половины XIX в. применительно к формированию памяти о русской кампании боролись общественный и государственный дискурсы. Вторая половина века продемонстрировала совершенно иную коммеморативную практику. Император Наполеон III, возрождая память о героическом прошлом Франции, пытался подкрепить этим легитимность своего собственного режима. Однако в центре исторического дискурса теперь была не память о наполеоновской эпохе, но правящий сейчас император, «Наполеон маленький».

В любом случае установление режима Второй империи усилило интерес к наполеоновским войнам и русской кампании. В 1856 г. вышел 14-й том «Истории Консульства и Империи» Л. А. Тьера, посвященный 1812 году [Thiers]. Это была первая попытка после

Шамбре и Фэна представить «объективную» историю кампании.

Тьер, отметив польский вопрос в качестве основной причины войны, в то же время осудил поляков за проявление излишнего эгоизма в тех обстоятельствах: «Поляки, воодушевленные идеей свободы, всецело рассчитывали на Наполеона, поэтому выразили явное недовольство тем, что он, оставив их, пошел дальше, вглубь России» [Thiers, 185]. Обратившись к анализу сражения под Смоленском, историк отметил, что в условиях длительного ожидания боя французы восприняли эту битву как свою победу. Однако Бородино Тьер оценил как «неполную» победу французов, выразив сожаление в связи со значительными потерями в битве [Ibid., 348]. Обратившись к сюжетам оккупации Москвы, историк возложил ответственность за превращение города в руины на М. И. Кутузова [Ibid., 358]. А вот применительно к характеристике действий Наполеона в Москве автор проявил достаточную сдержанность.

Представляет интерес и описание Тьером событий на Березине как эпилога отступления Великой армии. Он упрекал Наполеона в том, что тот не смог объединить две армии в начале сражения. В свою очередь, действия русских в представлении Тьера выглядели в большей степени продуманными и последовательными. В итоге историк пришел к достаточно смелому выводу: «Чичагов и Витгенштейн уничтожили французскую армию» [Ibid., 685].

К достижениям историка следует отнести и тот факт, что он обратил внимание на действия дивизии генерала Л. Партуно: «Генерал Партуно перепутал дороги, оказался на более опасном пути» [Ibid., 684]. Прежние исследователи, не предлагая анализа причин сдачи дивизии, лишь подвергали критике действия самого генерала. Наконец, Тьер впервые

высказал мысль о том, что противник — русская армия — оказалась достойна доблести французов [Thiers, 681].

Казалось бы, все аргументы автора навели на мысль о поражении Великой армии. Однако, к удивлению читателей, Тьер не позволил себе перечеркнуть то, что уже стало неотъемлемой частью исторической памяти нации: «Мы испытали чувство действительного триумфа, триумфа кровавого и болезненного, это была самая великая победа в нашей истории» [Ibid., 701]. Тем самым Тьер, критикуя военно-оперативные действия Наполеона на Березине, в то же время закрепил в сознании общества образ этого сражения как «моральной победы» французов.

Подобный образ Березины продолжал фигурировать и во французской литературе. Писатель П. А. Понсон де Террайль создал в те годы беспрецедентное по своей реалистичности произведение «Трубач Березины», описывающее переправу французов [Ponson du Terrail 1967]. Перед читателем была развернута картина самоотверженной борьбы понтонеров, строивших мосты через реку. Понтонеры стояли по грудь в ледяной воде: они должны были погибнуть, но спасти армию и императора.

В связи с обострением отношений между Францией и Россией образ «русского варварства» на страницах публикаций стал активно актуализироваться. Тем более что в ходе начавшейся в 1853 г. Крымской войны две страны, как в былые годы, вновь стали противниками. Поэтому не случайно, что именно в ходе Крымской войны во французской печати и драматургии возрождается образ русского солдата как варвара, не имеющего ни малейшего представления, в отличие от французского воина, о морали и нравственности.

В эти годы театры Парижа многократно ставили пьесу, в основе текста которой оказались воспоминания солдат Великой армии 1812 г., негодовавших по поводу того, что «русские варвары» не дали Наполеону одержать победу [Les cosaques: drame en cinq actes]. Противопоставление цивилизации и благородства, воплотившихся в образах наполеоновских солдат, русскому варварству, носителями которого стали казаки, было характерной темой и для художественной литературы того периода [Le trompette de la Berezina].

Однако Крымская война, как ни странно, вызвала у некоторых публицистов совершенно иные аналогии с русской кампанией. Так, французский политический деятель, журналист П. Г. Касаньяк опубликовал статью, в которой подверг критике действия Наполеона I, решившегося на развязывание войны с Россией: «Император видел в этой аванюре возможность реализовать свои амбиции, удовлетворить свое тщеславие. Это была бессмысленная война, которая изначально не сулила никаких преимуществ для Франции» [Le Constitutionnel...].

Вполне очевидно, что подобные замечания относились и к Наполеону III. Однако, несмотря на все предостережения Касаньяка, исход Крымской войны оказался более благоприятным, чем русская кампания для Наполеона I. По всей видимости, после завершения Крымской войны образ «русского варварства» оказался более не востребованным и постепенно канул в Лету.

После успешного завершения войны Наполеон III, окончательно уверовав в свою политическую и военную гениальность, начинает более активно использовать образы Первой империи в обосновании легитимности собственной власти. Именно в этот период на страницах художественных произведений и периодической печати вновь появляются символы героических побед прошлого, убеждающих в вечности империи. Наполеон III, как правило, теперь предстает в образе «бога войны, вернувшего Франции Аустерлиц» [Ferrand; Belfort-Devaux; La Presse 1855; Chaubet].

В 1862 г. появляется национальный гимн Второй империи, слова которого были связаны с военными победами Наполеона I: «Европа знает наших солдат. Они прославили себя словами: Аустерлиц! Йена! Ваграм! Наполеон!» [Vive la France!]. Теперь Наполеон III использовал в реализации своей исторической политики память об Аустерлице как неоспоримую победу своего дяди, игнорируя при этом иные сюжеты прошлого.

Император попытался вернуть торжественную церемонию празднования Аустерлица, которая проводилась в годы Первой империи, рассчитывая использовать этот символ для объединения общества [Journal de Saint-Quentin]. Однако подобные политические демарши

не нашли поддержки в общественных кругах, и празднование Аустерлица постепенно стало праздником исключительно бонапартистов. Так, писательница Ж. Санд отметила в письме к принцу Жерому Наполеону в день очередной годовщины битвы: «Вот ваша победа, ваш праздник, объявленный в газетах, мой великий друг! Это прекрасное “солнце Аустерлица”!» [Sand — le Prince Napoléon]. Превратить праздник в массовое торжество по образцу Первой империи Наполеону III так и не удалось. Он свелся главным образом к параду курсантов военной школы Сен-Сир на Вандомской площади [La Presse 1864].

Применительно к русской кампании отдельные интеллектуалы под воздействием политической обстановки попытались вписать это событие в масштабное полотно всего героического прошлого Франции. Так, в поэме Ш. Шобе была представлена битва при Москве: «Еще одна такая победа, и мы увидим эту эпоху, где в мире есть только два великих правителя» [Chaubet].

Несмотря на все усилия, попытки использовать русскую кампанию для героизации образа Наполеона III не нашли поддержки в интеллектуальной среде. В 1866 г. А. Ассолан издал сборник иллюстраций, посвященных 1812 году [Assolant]. В предисловии автор отметил катастрофичность этой войны: «Русская кампания — самый ужасный пример войн империи. Великая армия погибла там почти целиком от страданий и усталости. Те, кто вернулся во Францию, были лишь тенью той героической армии» [Ibid., 3]. Подобные размышления разделял и писатель Ш. Рабуль, явно намекая на тщеславие Наполеона III: «Французские солдаты стали жертвами кампании-катастрофы в России, которая была начата в интересах только одного человека» [Rabou].

Оппозиция режиму Второй империи, со своей стороны тоже активно используя образы наполеоновской эпохи, постаралась предложить свой ответ целенаправленной исторической политике императора. Одним из ярких представителей оппозиционных кругов был журналист Л. Вейо, который в своем произведении «Ватерлоо» пытался провести параллели между Первой и Второй империями: «Изначально речь шла о создании Европы для сохранения мира, но жажда власти приводит

к деспотизму и разрушениям. Мы должны извлечь уроки из Ватерлоо, остановить это военное варварство» [Veillot].

Спустя десять лет после Седанской катастрофы слова Л. Вейо стали восприниматься как пророческие: «Франция в очередной раз окажется побежденной во втором Ватерлоо, более катастрофическом, чем первое, побежденной теми же врагами» [Ibid.]. «Ватерлоо всегда угрожает Империи», — предрек конец имперским устремлениям Наполеона III публицист республиканец Л. Лабарр [Labarre]. «Память о Ватерлоо намекает каждому правителю об уязвимости любой власти», — отметила газета «Ле Пети Журналь» [Le Petit journal 1863].

Так, в годы Второй империи образы наполеоновской эпохи оказались в центре борьбы правительственных и оппозиционных кругов, а их интерпретации стали чрезвычайно противоречивыми. Новая волна актуализации героических сюжетов прошлого и пропаганды милитаризма пришлось на начало Франко-прусской войны. В одной из газет, к примеру, можно было прочесть следующее: «Всемогущая Французская империя, стремящаяся к завоеванию... С Наполеоном III мы вернемся в эпоху Аустерлица и Ваграма» [Le Courrier du Gard]. Более того, даже ярые противники режима Второй империи Э. Эркман и Ш. Шатриан в своем романе «Ватерлоо» стали призывать к верности императору: «Для всех честных французов тогда пришел час победить или умереть! Это зрелище возбуждало наш дух. Император словно вдохнул в нас свой боевой дух, и мы были готовы истребить всех» [Erckmann-Chatrian].

Однако после Седанской катастрофы, унижительной для Франции, никаких аллюзий с наполеоновской эпохой во французском обществе уже не появлялось. Седан невозможно было оправдать, даже вспоминая Березину или Ватерлоо, сражения, в которых армия смогла, несмотря ни на что, сохранить свою честь. Империя для французов осталась в прошлом, а история перестала выполнять терапевтическую функцию. «Наполеон» на Вандомской колонне снова проходит через падение.

В целом в годы Второй империи, несмотря на заметную идеализацию Наполеона I и Великой армии, память о русской кампании продолжала развиваться в контексте общественного

дискурса, объединяя противоречивые интерпретации тех событий. Ко всему прочему следует отметить, что в исторической науке этого периода вновь была сделана попытка подвергнуть сомнению некоторые чрезмерно героизированные результаты сражений.

Опыт Второй империи продемонстрировал, что попытки слияния истории с политическим культом правителя приводили не к сохранению, а к разрушению героических мифов. Поэтому не случайно деятели появившейся на руинах Второй империи Третьей республики оказались весьма осторожными в трактовке событий прошлого. Седанская катастрофа заметно актуализировала те размышления, которые уже зародились в общественном сознании в эпоху Наполеона III.

На страницах работ историков, писателей и публицистов стала появляться идея о том, что политика имперскости и милитаризма закономерно приводит к трагическому концу. Так, в комментариях к мемуарам французского офицера Л. М. де Трашана Лаверна (служил в России еще при Екатерине II), вышедшим в 1879 г., говорилось, что русская кампания стала расплатой за «солнце Аустерлица» [Tranchant de Laverne].

В периодической печати любое упоминание о победах Наполеона теперь связывалось с печальным падением либо Наполеона I, либо Наполеона III [L'Intransigeant]. «Не стоит рассматривать славу Аустерлица без прощания в Фонтенбло», — писала газета «Ле Пеи» в эти годы [Le Pays].

Одним из первых критически оценил деятельность Наполеона I в те годы историк П. Ланфре, еще в 1867 г. приступивший к своему масштабному труду, посвященному истории Наполеона I [Lanfrey]. Очевидно, что его взгляды на эту эпоху были сформированы еще в годы Второй империи. Возможно, бесславное завершение истории режима Наполеона III еще более усилило критическую оценку Ланфре правления двух императоров.

Во введении к труду автор с грустью обратил внимание на некую закономерность, связанную с тем, что имперские амбиции регулярно приводят Францию к трагедии. Исходя из этой установки, он вновь подверг сомнению факт победы Наполеона в сражениях кампании 1812 г. И все же, вслед

за предшествующими авторами историк воспроизвел сюжеты героического отступления французских солдат.

В дальнейшем историки, признавая факт того, что войны Наполеона стали бедствием для народа, все-таки не последовали за общими политическими настроениями, сосредоточив свое внимание на внутренней политике императора [Canton; Masson]. В частности, Ж. Диез акцентировал внимание на значимых административных реформах, проведенных в годы Первой империи, отметив, что считает необоснованным отказываться от этой страницы прошлого Франции: «Мы решительно отбрасываем любые обвинения, направленные на то, чтобы превратить нашу работу в очередную критику Наполеона. Необходимо признать, что это был значимый этап в развитии Франции» [Diez]. Обратившись к русской кампании, он связал ее печальные результаты не с действиями Наполеона, а с некой исторической закономерностью: «Можно ли было ожидать, что за победой при Маренго последует безумный 1812 год? Да, мы должны были это предвидеть. Напоминаем, что любое проявление силы может повлечь за собой безумные действия» [Ibid., 157].

Тем не менее образ русской кампании этого периода ассоциировался не только с провалами Наполеона, но был вместе с тем и образцом проявления достоинства и чести французского солдата. Авторы искали примеры подобного в сюжетах отступления Великой армии. В 1870-е гг. выходит роман Ю. Булабера «Женщина-бандит», ориентированный на широкий круг читателей. Писатель обратился к описанию переправы через Березину и к судьбам людей, прошедших через эту «ужасную эпоху» [Boulabert].

В центре повествования оказалась судьба молодой женщины, последовавшей за своим мужем в Россию. Вместе они дошли до Березины, которая стала роковым рубежом для судьбы супружеской пары. Во время паники на переправе они потеряли друг друга. Женщина находилась в неведении о судьбе мужа, «солдаты не могли признаться ей, что уже три дня он не появлялся. В последний раз его видели раненым на лошади» [Ibid., 2]. Автор попытался убедить читающую публику, что, несмотря на тяжелейшие условия отступления из России, французы сохранили готовность

помочь друг другу и оставались преданными своему императору.

В этот период и французские газеты часто обращались к образу отступления как к героическому сюжету французской истории [Le Pays 1896]. К примеру, во французской газете «Ле Тан» без воспроизведения подробностей военных действий было отмечено: «Переход через Березину остается победой в нашей памяти» [Le Temps 1887]. Вместе с тем на страницах периодической печати этого времени появлялись и потрясавшие воображение картины переправы: «Тот, кто испытал ужасные страдания, вызванные переходом через Березину, позже задавался вопросом, не было ли это сном?» [Le Temps 1890].

Подобные публикации закрепляли в сознании французов образ русской кампании как трагедии, но в то же время и моральной победы. Так, в ситуации, когда произошел отказ от героизации в интерпретации событий 1812 года, стал наблюдаться интерес к истории обычного солдата. В конце XIX в. выходит внушительное количество публикаций мемуаров, писем и военно-оперативных документов. Журнал «Карнет де Ла Сабреташ» усиленно публикует многочисленные мемуары участников войны 1812 года, в которых образ кампании предстал в двойной ипостаси — и как олицетворение военных жертв, и как символ самоотверженности французского солдата [Pele]. В эти годы военный архивист Ж. Г. А. Фабри публикует тома военно-оперативных документов, посвященных русской кампании [Fabry].

Благодаря этим публикациям образ русской кампании в преддверии очередного мирового конфликта стал использоваться для пропаганды антимиитаризма, как воплощение жертв, принесенных на алтарь имперских амбиций. Подобные тенденции наблюдались и применительно к еще одной трагедии наполеоновской эпохи — Ватерлоо. Так, в 1904 г. на поле Ватерлоо благодаря усилиям общественной организации «Сабреташ» появился первый французский памятник. Он был воздвигнут на месте последнего карае 1-го полка пеших егерей императорской гвардии, в центре которого был знаменитый Камбронн, произнесший, согласно легенде, не менее знаменитые слова в ответ на предложение сдаться.

Во время открытия этого памятника, получившего название «Орел Ватерлоо» или «Раненый орел», французский художник-баталист Эдуард Детайль заявил, что монумент стал воплощением памяти и храбрости солдат Первой республики и Империи, солдат, которые храбро сражались «за свободу и славу, воплотившиеся в идее родины» [Martin]. В связи с установлением памятника во французской газете появилась антимиитаристская заметка: «Ватерлоо всегда напоминает миру о том, что дух стремления к покорению других народов должен угаснуть. Наполеон был уверен в своей победе, и это привело его к роковой ошибке» [Le Petit journal 1894].

В свою очередь, «патриоты», заинтересованные в реванше, использовали иные события наполеоновской эпохи, вспоминая о героическом прошлом. Так, антиподом русской кампании и Ватерлоо стал Аустерлиц. «На следующий день после Аустерлица Наполеон сказал солдатам: “Солдаты! Вам будет достаточно сказать: я был в битве при Аустерлице, и народ ответит: вот, храбрый!”». Такую заметку о героической победе французского оружия при Аустерлице опубликовала газета «Ле Пеи» [Le Pays. Journal des volontés de la France].

На фоне перемен в государственной политике появляется группа французских писателей, которые начинают восхвалять политику империализма. Одним из ярких представителей этой группы был писатель Поль Адан. Наполеоновская эпоха стала центральным сюжетом его творчества. Перу писателя принадлежит роман «Ребенок Аустерлица», основная идея которого сводилась к тому, что французы, потомки великих солдат Наполеона, должны помнить свое прошлое и продолжить череду военных побед [Adam].

Перед Первой мировой войной многие французские историки, подобно беллетристам, обращаясь к наполеоновской эпохе, также начали взывать к чувству патриотизма [Lumet; Gloires et légendes; Béchet; Lanzac de Laborie]. Однако русская кампания не обрела центрального места среди побед Первой империи в этих изданиях. Авторы активно продолжали использовать, прежде всего в патриотических целях, память об Аустерлице. «Молодые люди, не стоит бояться смерти, как ее не боялись наши храбрые предки на поле битвы при

Аустерлице», — обращался историк А. Уссе к будущим солдатам Великой войны [Houssaye]. Французское общество вновь накрыла волна патриотических настроений, тесно переплетенных с идеей реваншизма.

Воспоминания о событиях войны 1812 года, которую в итоге французы проиграли, не затрагивали интересы России, союзника по «Антанте». Во французских патриотических публикациях образ врага отсутствовал. Тем не менее использование образов наполеоновской эпохи преследовало лишь одну цель — объединить французское общество. Целей укрепления союзнических связей эта тенденция не преследовала. В связи с этим русско-французское сближение рубежа веков лишь частично повлияло на интерпретацию событий войны 1812 года.

Зримым воплощением «корректировки» памяти о русской кампании стало участие французской делегации в торжествах по случаю 100-летия войны 1812 года, которые прошли в России [SHD. 1M 2360]. Архивные материалы, отразившие детали этого визита французских делегаций, наряду с обширной делопроизводственной документацией содержат ряд важных отчетов — консула Франции в Москве Ш. М. С. де Валикура [Ibid.], главы французской военной миссии дивизионного генерала Ф. Л. А. М. де Лангля де Кари [Ibid.], военного атташе Франции в Санкт-Петербурге полковника Маттона [Ibid.].

Французское правительство решило отметить 100-летнюю годовщину русского похода установлением памятников павшим солдатам армии Наполеона во многом под влиянием общественных настроений. Правительство вынуждено было прислушаться к голосу таких влиятельных неправительственных организаций, связанных с изучением военной истории, как «Французская память» и «Сабреташ».

Французская делегация с целью укрепления русско-французских отношений стремилась «сдержать свои национальные патриотические чувства», продемонстрировав лояльное отношение к бывшему противнику. Подводя итоги юбилейным мероприятиям, Лангль де Кари написал в своем отчете: «Следует отметить, что миссия была объектом внимания в высшей степени предупредительного и в то же время лестного; очевидно, что император, министры, члены их

фамилий, высокие гражданские и военные власти не уставали в ходе всех церемоний демонстрировать это перед представителями Франции, размещая нас в первых рядах; множество раз Его величество выражал свое удовольствие видеть официальных представителей правительства республики. Со своей стороны я убежден, что присутствие миссии придавало празднованию Столетия по большей части особый характер в том смысле, что все действия и все слова тщательно взвешивались или были нацелены на то, чтобы не дать нашей нации, сегодня дружественной и союзной России, какой-нибудь повод вызвать законное раздражение» [SHD. 1M 2360]. Очевидно, что празднование юбилея Бородинского сражения стало чуть ли не единственным заметным проявлением воздействия внешнеполитического фактора на интерпретацию событий русской кампании.

Таким образом, в эпоху Второй империи наблюдалась попытка «переформатировать» образ войны 1812 года в плане абсолютизации победы Наполеона, а русским придать черты варварского противника. Однако официальным кругам не удалось вписать это событие в рамки исторической политики по образцу памяти об Аустерлице. Образ русской кампании становится орудием в руках оппозиционных режиму Наполеона III сил. В сознании общества поход в Россию воспринимается как результат роковой ошибки императора и одновременно как воплощение «моральной победы» французского солдата.

Подобные эмоционально окрашенные идеи публицистов и писателей были подкреплены научным обоснованием в труде Тьера. При этом представления о русской кампании в годы Второй империи развивались под влиянием оппозиции, которая подобным образом ответила на историческую политику Наполеона III.

В годы Третьей республики образ войны продолжал развиваться в общественном дискурсе, демонстрируя своего рода историческую закономерность, когда имперские амбиции неизбежно ведут нацию к трагедии. Действительно, в эти годы в образе русской кампании объединились элементы, сформировавшиеся в предыдущие эпохи, — восприятие поражения как расплаты за имперскую политику, тезис о «победе в опасности» и память о войне как урок антимиитаризма.

Было еще одно значимое изменение: вытеснение героической политики Наполеона I из национальной памяти способствовало проявлению интереса к истории обычного солдата при описании событий войны, что, в свою очередь, стимулировало

публикацию документов личного происхождения. Однако этот процесс имел и обратную сторону: интерпретация событий кампании стала развиваться в пользу эмоциональной составляющей, но не в плане их научного осмысления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Adam P.* L'enfant d'Austerlitz. P., 1902.
Assolant A. Campagne de Russie. P., 1866.
Béchet M. Historique sommaire du 11e régiment de hussards. P., 1913.
Belfort-Devaux P. Le canon d'Austerlitz: discours idéal d'ouverture. P., 1865.
Boulabert J. La femme bandit. P., 1875.
Canton G. Napoléon antimilitariste: étude d'histoire contemporaine. P., 1902.
Chaubet Ch. Napoléon après la bataille de la Moskowa. P., 1861.
Diez J. Des caractères sociaux de l'influence de Napoléon I. P., 1909.
Erckmann-Chatrian. Waterloo, suite du Conscrit de 1813. P., 1865.
Fabry G. Campagne de Russie (1812). P., 1900–1903. T. 1–5.
Ferrand J. Napoléon III. P., 1853.
 Gloires et légendes: histoire militaire de la France racontée par ses drapeaux: de 1792 à nos jours. P., 1911.
Houssaye H. Napoléon, homme de guerre. P., 1904.
 Journal de Saint-Quentin. 1852.
 La Presse. 1855. 28 febr.
 La Presse. 1864. 28 febr.
Labarre L. Waterloo: seconde partie et fin de "Napoléon III et la Belgique". P., 1860.
Lanfrey P. Histoire de Napoléon I. 2-ème éd. P., 1875.
Lanzac de Laborie L. La colonne de la Grande-Armée, "colonne Vendôme". P., 1915.
 Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire. 1854. 15 mars.
 Le Courrier du Gard. Journal politique, administratif et judiciaire. 1861. 15 june.
 Le Pays. 1896. 09 oct.
 Le Pays. Journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.
 Le Pays: journal des volontés de la France. 1901. 18 nov.
 Le Petit journal. P., 1863.
 Le Petit journal. P., 1894.
 Le Temps. 1887. Oct.
 Le Temps. 1890. Nov.
 Le trompette de la Berezina. P., 1967.
 Les cosaques: drame en cinq actes. P., 1853.
 L'Intransigeant. 1885. 23 sept.
Lumet L. Napoléon I-er, empereur des Français. P., 1908.
 L'Univers. 1896. 09 juill.
Martin E. L'inauguration du monument français de Waterloo // Carnet de la Sabretache. 1904. Juin.
Masson F. Napoléon chez lui : la journée de l'empereur aux Tuileries. P., 1894.
Pele. Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney // Carnet de la sabretache. 1906. Sér 2. N° 157.
Ponson du Terrail A. Cosaques à Paris. P., 1867.
Ponson du Terrail A. Le trompette de la Berezina. P., 1967.
Rabou Ch. La Grand Armée. P., 1860.
Sand — le Prince Napoléon (Jerome), 1865 // Les oeuvres Choisies de George Sand. P., 2018.
 Service Historique de la Defense (SHD). 1M 2360.
Thiers L. A. Histoire du consulat et de l'empire. P., 1862.
Tranchant de Laverne L. M. Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805 par Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains. P., 1879.
Veillot L. Waterloo. P., 1861.
 Vive la France! Hymne national. 1862. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54254933/f5.image.r=La%20guerre%20de%20Crimée%20Austerlitz> (accessed: 01.11.2022).

References

- Adam, P. (1902). *L'enfant d'Austerlitz*. P.
- Assolant, A. (1866). *Campagne de Russie*. P.
- Béchet, M. (1913). *Historique sommaire du 11e régiment de hussards*. P.
- Belfort-Devaux, P. (1865). *Le canon d'Austerlitz: discours idéal d'ouverture*. P.
- Boulabert, J. (1875). *La femme bandit*. P.
- Canton, G. (1902). *Napoléon antimilitariste: étude d'histoire contemporaine*. P.
- Chapuis, F. (1853). *Bataille de la Moskowa. Bibliothèque historique et militaire*. P. 7.
- Chaubet, Ch. (1861). *Napoléon après la bataille de la Moskowa*. P.
- Diez, J. (1909). *Des caractères sociaux de l'influence de Napoléon I*. P.
- Erckmann-Chatrion (1865). *Waterloo, suite du Conscrit de 1813*. P.
- Fabry, G. (1900–1903). *Campagne de Russie (1812)*. P. 1–5.
- Ferrand, J. (1853). *Napoléon III*. P.
- Gloires et légendes: *histoire militaire de la France racontée par ses drapeaux: de 1792 à nos jours (1911)*. P.
- Houssaye, H. (1904). *Napoléon, homme de guerre*. P.
- Journal de Saint-Quentin (1852)*.
- La Presse (1855)*. 28 febr.
- La Presse (1864)*. 28 febr.
- Labarre, L. (1860). *Waterloo: seconde partie et fin de «Napoléon III et la Belgique»*. P.
- Lanfrey, P. (1875). *Histoire de Napoléon I*. 2-ème éd. P.
- Lanzac de Laborie, L. (1915). *La colonne de la Grande-Armée, «colonne Vendôme»*. P.
- Le Constitutionnel: journal du commerce, politique et littéraire (1854)*. 15 mars.
- Le Courrier du Gard. Journal politique, administratif et judiciaire (1861)*. 15 june.
- Le Pays (1896)*. 09 oct.
- Le Pays. Journal des volontés de la France (1901)*. 18 nov.
- Le Pays: journal des volontés de la France (1901)*. 18 nov.
- Le Petit journal (1894)*. P.
- Le Temps (1887)*. Oct.
- Le Temps (1890)*. Nov.
- Le trompette de la Berezina*. P., 1967.
- Les cosaques: drame en cinq actes. (1853)*. P.
- L'Intransigeant (1885)*. 23 sept.
- Lumet, L. (1908). *Napoléon I-er, empereur des Français*. P.
- L'Univers (1896)*. 09 juill.
- Martin, E. (1904). *L'inauguration du monument français de Waterloo. Carnet de la Sabretache*. Juin.
- Masson, F. (1894). *Napoléon chez lui : la journée de l'empereur aux Tuileries*. P.
- Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains (1879)*. P.
- Pele (1906). *Le combat de Krasnoe et la retraite de Ney. Carnet de la sabretache. Sér 2*. 157.
- Ponson du Terrail, A. (1867). *Cosaques à Paris*. P.
- Ponson du Terrail, A. (1967). *Le trompette de la Berezina*. P.
- Rabou, Ch. (1860). *La Grand Armée*. P.
- Sand — le Prince Napoléon (Jerome), 1865 (2018). *Les oeuvres Choisies de George Sand*. P.
- Service Historique de la Defense (SHD)*. 1M 2360.
- Thiers, L. A. (1862). *Histoire du consulat et de l'empire*. P.
- Tranchant de Laverne, L. M. (1879). *Relation de la bataille d'Austerlitz gagnée le 2 décembre 1805 par Napoléon contre les Russes et les Autrichiens sous les ordres de leurs souverains*. P.
- Veuillot, L. (1861). *Waterloo*. P.
- Vive la France! Hymne national. 1862*. URL : <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k54254933/f5.image.r=La%20guerre%20de%20Crimée%20Austerlitz> (accessed: 01.11.2022).

Сведения об авторе

Постникова Алена Александровна, доктор исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия.

Information about the author

Alena A. Postnikova, Doct. Sci. (History), Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 01.12.2022;
одобрена после рецензирования 15.12.2022;
принята к публикации 15.12.2022

The article was submitted 01.12.2022;
approved after reviewing 15.12.2022;
accepted for publication 15.12.2022